

А.О. Кучерова

ХАННА АРЕНДТ И МАРСЕЛЬ ПРУСТ: ОТ РОМАНА-ДОКУМЕНТА К РАССКАЗЫВАНИЮ ИСТОРИЙ*

Кучерова Анна Олеговна – аспирант Института общественных наук и массовых коммуникаций. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: kucherovaa094@gmail.com

В центре внимания статьи – эссе Ханны Арендт «Между пороком и преступлением». В нем философ исследует процесс стигматизации евреев в салонном обществе рубежа XIX–XX вв., используя для этой цели роман М. Пруста «В поисках утраченного времени» в качестве документа эпохи. Это эссе позволяет раскрыть методологическую ценность романа для разрешения стоявших перед ней социально-политических проблем. Автор демонстрирует, что *magnum opus* французского писателя послужил специфической детерминантой и опорой мысли Х. Арендт. В частности, в статье реконструируется ее диалог с М. Прустом, результатом которого стало расширение потенциала художественной литературы философом. Роман отныне не ограничивается инструментальным характером, он приобретает онтологическую значимость рассказывания историй, что позже будет концептуально схвачено понятием «storytelling». В статье показывается логика раскрытия Ханной Арендт возможностей романа на материале ее интерпретации прустовского цикла «В поисках утраченного времени», а также выявлены факторы, оказавшие влияние на эту логику. Благодаря взгляду на художественные тексты как источник мысли Х. Арендт, стало возможным продемонстрировать генезис инновационных идей философа (в данном случае понятие «storytelling»), которые, как оказалось, несут на себе литературный отпечаток.

Ключевые слова: роман, антисемитизм, общество, рассказывание историй, Арендт, Пруст, Беньямин

Для цитирования: Кучерова А.О. Ханна Арендт и Марсель Пруст: от романа-документа к рассказыванию историй // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 1. С. 36–51.

* Статья подготовлена участником Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ на базе Школы философии на основе данных, полученных в период стажировки.

Как Ф. Кафка и Дж. Джойс, Марсель Пруст – родоначальник культуры модерна. Именно поэтому роман «В поисках утраченного времени» на протяжении всего XX столетия находился в фокусе философских интерпретаций. Известно, что В. Беньямин, М. Мамардашвили, Р. Рорти, Ж. Делёз обращались к прустовскому тексту как к истоку общей для них современности. В этом ряду можно не заметить еще одну фигуру, чья область интересов, на первый взгляд, далека от литературной критики (В. Беньямин) или анализа языковых игр (Р. Рорти) – Ханну Арендт. Пристальный взгляд на ее интеллектуальное наследие обнаруживает целый ряд небольших работ, касающихся вопросов художественной литературы. Философ писала их параллельно своим крупным исследованиям. Среди таких работ встречаются как автономные произведения критического характера (рецензии), так и эссе, в которых она проводит «ревизию» знаковых текстов (Пруст, Кафка и др.). Последние часто служили ей основой для собственных теоретических построений. Х. Арендт включала их в свои фундаментальные работы: эссе о Ф. Достоевском и эссе о Г. Мелвилле сделали часть книги «О революции», а, например, статью о Прусте она инкорпорировала внутрь масштабного исследования об «Истоках тоталитаризма».

«В поисках утраченного времени», или Роман, ставший документом эпохи

Поворот от теории к нарративу, осуществленный рядом философов второй половины XX в., стал возможен благодаря появлению таких мета-художественных текстов как, например, «В поисках утраченного времени». В этом отношении XX в. отчасти – это век М. Пруста. Вышедший в 1913 г., его роман с завидным постоянством привлекал внимание крупных мыслителей. Одним из первых к нему обратился В. Беньямин, следом за ним Х. Арендт, а к концу века М. Мамардашвили и Р. Рорти. Столь разные мыслители, к тому же по-разному политически ангажированные, тем не менее разделяли общую современность, основания которой уходили корнями в язык, психологию личности и картину социума, представленную в данном романе. Успех был обеспечен и марксистским, и социально-критическим, и либерально-утопическим интерпретациям Пруста, так как они отвечали наличествующей культуре. Слова М. Хайдеггера, адресованные И.Х.Ф. Гёльдерлину, применимы и к фигуре Пруста: «заново учреждая существо поэзии, он впервые определяет и новое время»¹. Общий взгляд комментаторов от философии на роман «В поисках утраченного времени» как пример рассказывания историй (storytelling) не препятствовал каждому из мыслителей использовать собственную оптику для чтения прустовского *urbi et orbi*. Для В. Беньямина анализ «В поисках утраченного времени» был первым опытом исследования роли рассказчика в европейской культуре². Рорти и Мамардашвили видели в прустовском романе залог автономии индивида в либеральном обществе и способ само-созидания соответственно. Но каковы намерения Х. Арендт, вплетающей фигуру М. Пруста в создаваемую ею теорию тоталитаризма?

¹ Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Трагль. М., 2017. С. 23.

² См.: Benjamin W. The Illuminations. N.Y., 1968. P. 83–111.

Х. Арендт обращается к «семикнижию» французского романиста в процессе работы над «Истоками тоталитаризма» (1951 г.). Можно предположить, что ее знакомство с романом состоялось в период парижской эмиграции, поспособствовавшей встрече столь достойных собеседников. К тому времени последний уже опубликовал свое эссе «К портрету Пруста» (1929 г.) и являлся первым переводчиком на немецкий язык «В поисках утраченного времени». Приступая к работе над «Истоками тоталитаризма», Арендт еще находилась под сильным впечатлением от личности В. Бенямина и его работ³. В то же время ее глава об антисемитизме нуждалась в материале, который удалось добыть при чтении прустовского цикла.

Работа над книгой, подарившей Арендт мировую известность, растянулась на двадцать лет. Если провести аналогию с архитектурой, то можно сказать, что фундаментом «Истоков тоталитаризма» послужили ее исследования еврейской идентичности в начале 1930-х гг. (соответствующие главе «Антисемитизм»), а замковым камнем стал ее *личный опыт* эмиграции и заключения в лагере для интернированных во Франции (соответствующий главе «Тоталитаризм»). Помимо этого, «Истоки тоталитаризма» основываются на литературных, философских, а также исторических источниках, ставших для Арендт важным транслятором *чужого опыта*. Философ не ограничивала себя строгими дисциплинарными рамками. Существование в пределах какой-либо школы, любой специализации, полагала она, было худшим уделом для всякого мыслителя. Ее интересовали гении, которые, подобно Вальтеру Бенямину, выпадали из рубрик, заранее заготовленных классификаторами для них. Поэтому необходимо с осторожностью относиться к ее самоопределению в качестве исключительно политического теоретика в беседе с Гюнтером Гаусом⁴. Не желая быть помещенной в рамки специализации, она не стала бы возводить их вокруг себя самостоятельно, тем ограничивая свой инструментарий.

Поэтому в «Истоках тоталитаризма» равноценными документами времени считаются романы Р. Киплинга и М. Пруста, работы И.В. Сталина и В.И. Ленина, архивные дела. Взгляд на философию и поэзию (в широком смысле слова – художественную литературу) как сопутствующие друг другу формы мышления был воспринят Арендт от ее учителей: идеи Аристотеля и М. Хайдеггера⁵ ощущаются во многих ее работах. «Философия и поэзия действительно близко связаны. Они не есть одно и то же, но исходят из общего истока – мышления»⁶, – напишет она в «Жизни ума». Ханна Арендт обнаружила у писателей запас переживаний и, следовательно, смысла, которым пренебрегают философы, но из которого сама она черпала вдохновение. Для проникновения в смысл исторических событий она обращается к такому источнику, как роман, который представляется ей

³ О значении дружбы с В. Бенямином для Х. Арендт см.: *Arendt H. Walter Benjamin: 1892–1940* // *The New Yorker*. 1968. October 11. P. 65–98.

⁴ См.: *Арендт Х. Опыт понимания 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм*. М., 2018. С. 58–90.

⁵ О связи философии и поэзии у обоих авторов см.: *Аристотель. Никомахова этика* // *Аристотель. Сочинения*: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 52–295; *Он же. Поэтика*. М., 2017; *Хайдеггер М. Ницше*. Т. 1. СПб., 2006; *Он же. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин*. Рильке. Трагль. М., 2017.

⁶ *Арендт Х. Жизнь ума*. СПб., 2013. С. 16.

свидетельством⁷. Романист, по мнению Пруста, должен писать не для других, но только для себя. Это утверждает искренность и достоверность его произведений. Подобная жесткая позиция Марселя Пруста по отношению к собственному творчеству делает его тексты в глазах Арендт почти документальными. Мысль философа занимали преимущественно современные ей проблемы, свидетельницей которых она сама была (антисемитизм, тоталитаризм, сегрегация и др.). Это позволяло ей «отталкиваться в своих исследованиях от почвы, на которой она стояла»⁸. В этом плане фигура Пруста, сопротивлявшегося острому нежеланию остальных писателей жить в настоящем, вдвойне импонировала Ханне Арендт. Таким образом, рефлексия романиста над своей салонной жизнью *hic et nunc* (Франция, рубеж XIX–XX) приобрела для философа ценность.

В социально-критической позиции, с которой Арендт анализирует «В поисках утраченного времени», видны следы сильного влияния Беньямина. Как редактор знаменитого сборника «Озарения», Арендт первым делом включила туда эссе последнего о Прусте. Тексты для посмертного издания работ друга она подбирала лично и тщательно, а, значит, этот небольшой очерк она считала значимым в интеллектуальном плане. Беньямин знакомит ее с романистом не только опосредованно – через собственное эссе (одновременно предлагая Арендт особенный подход к работе с текстом), но, что более важно, он был первым переводчиком романа на немецкий язык.

Вальтер Беньямин полагал, что повсеместное увлечение прустовским психологизмом отвлекает от более важных аспектов его романа. Пруст в его интерпретации предстает скорее как критик общества потребления и снобизма, нежели воплощение современного гения. Ценность его романа – в точных зарисовках потребителей-эксплуататоров «в полной конкретности их актуального исторического бытия»⁹. Поэтому для Беньямина «В поисках утраченного времени» располагается в пространстве между романом, репортажем и историческими работами Ж. Мишле и Э. Ренана. Оптика, которую он использует при чтении, – это оптика общественной критики. Философ не жалеет шпионских красок: Марсель Пруст, как знаток церемониала, манер и этикета, проник в парижское салонное общество ради единственной цели – заполучить информацию, необходимую для уничтожения буржуа. Обучившись тайному языку, автор посвятил в него своих читателей, дабы разоблачить «клан преступников, банду заговорщиков – каморру потребителей»¹⁰. Этот социально-критический энтузиазм Беньямина захватил и Арендт, которая в этом плане отчасти наследует его интерпретации. Но если первый подходил к роману со свойственных ему марксистских позиций критики общества потребления, то Арендт руководил аффект, следствием которого можно считать если не все, то многие ее работы. Пережитые ею события 1930–1940 годов – арест Гестапо, предательство друзей и коллег, иммиграция, лагерь для интернированных, – предопределили исследовательский интерес философа. Помимо общезначимой стороны дела, анализ тоталитарной системы стал для Арендт своего рода терапией,

⁷ См. подробнее о взглядах Х. Арендт на роман как жанр в ее сборнике: *Арендт Х. Люди в темные времена*. М., 2003.

⁸ *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни*. М., 2017. С. 403.

⁹ *Benjamin W. The Illuminations*. P. 207.

¹⁰ *Ibid.* P. 208.

способной примирить ее с произошедшим. Но для начала ей необходимо было разобраться в предпосылках этого беспрецедентного режима. Прежде всего, с положением евреев в европейском обществе незадолго до катастрофы. С этой целью она начинает чтение «В поисках утраченного времени».

Прустовское салонное общество в интерпретации Ханны Арендт

Салон как феномен публичного мира, задолго до эссе о Марселе Прусте, находился в центре исследовательского интереса Х. Арендт. В 1933 г. она окончила работу над рукописью биографии¹¹ Рахели Фарнхаген, «царицы салона», собравшей вокруг себя ярчайших представителей немецко-еврейской художественной элиты того времени. Спустя два десятилетия Арендт дополнит свою картину евреев в не-еврейском обществе с помощью зарисовок французских салонов рубежа XIX–XX вв., оставленных Прустом. Если художественный кружок Р. Фарнхаген располагался за пределами социального и не формировался вокруг людей «имени и разряда», то салоны, завсегдаемые столетием спустя был Пруст, стали для Арендт воплощением того общества, к критике которого она бесконечно возвращается в своих книгах¹². И Фарнхаген («Между парией и парвеню»), и Пруст («Между пороком и преступлением») станут главными «свидетелями» по делу времени в главе «Евреи и общество» «Истоков тоталитаризма». Сами названия параграфов, в которых Арендт акцентирует внимание сначала на личности хозяйки одного из салонов, а затем на их бытописателе, представляют собой экспозицию вопроса о месте евреев в социальной жизни XIX–XX вв. Зажатые обществом в тиски, евреи имели возможность действовать лишь в рамках отведенных им ролей.

Арендт интересуют только «социальные факторы», «скрытые под поверхностью событий»¹³, и в этом вопросе она полагается лишь на проницательность поэтов и романистов. Отдавая предпочтение авторам, сопротивляющимся психологизму (Ф. Кафка, И. Динесен или У. Фолкнер), свой социально-исторический подход к произведению, которое по сей день считается классикой психологического романа, она обосновывает так: «Созерцатель внутреннего опыта, – пишет она, – напоминает наблюдателя в обществе постольку, поскольку ни тот ни другой не имеют непосредственного доступа к жизни и воспринимают реальность лишь в ее отраженном состоянии»¹⁴. Особенности психической жизни писателя воспринимаются философом лишь как следствие того, что находится в центре ее внимания – жизни в салонном обществе, наградившем Марсея Пруста определенным социальным багажом.

¹¹ Впоследствии Ханна Арендт дополнит изначальный текст рукописи двумя параграфами и издаст в 1958 г. под заголовком «Rahel Varnhagen: The Life of a Jewess». См.: *Arendt H. Rahel Varnhagen. The life of Jewish woman.* N.Y., 1974.

¹² Арендт противопоставляла *общественную жизнь* начала XX в. с ее осознанной игрой интересов, обилием враждующих клик и бесцельными интригами *полноценной политике*, как публичному пространству, в рамках которого индивиды совершают свои инновативные поступки (действие, слово), выходящие за рамки материальной необходимости.

¹³ *Арендт Х. Истоки тоталитаризма.* М., 1996. С. 144.

¹⁴ Там же. С. 134.

В начале своего эссе «Между пороком и преступлением» Арендт соглашается с беньяминовской трактовкой Парижа как столицы XIX в. Но столицы, как можно заметить, со знаком «минус»: революция провалилась, буржуа одолели *citouen*, дело Дрейфуса оглушительно прокатилось по всей Европе, и лишь последовавшие за этим четырнадцать лет подарили Третьей республике недолгую стабильность. Процессы, происходившие во Франции *fin-de-siecle*, спустя 30–40 лет вспыхнули в других странах Европы. Отсюда выбор периода, задающего отправную точку для ее исследований тоталитаризма, и проводника в лице М. Пруста, чья способность схватывать на лету удивительные откровения рубежа веков была уже отмечена В. Беньямином. Сам писатель замечал, что его философия сводится к «оправдыванию, реконструированию *того, что есть*»¹⁵. В этом пункте интенции Пруста и Арендт совпали, т.к. последняя полагала главной целью рассказывания – «заставить смириться и примириться с жизнью *как она есть*»¹⁶. Такое субъективно-терапевтическое видение рассказа переключается с более поздними взглядами М. Мамардашвили («Лекции о Прусте», 1984) и Р. Рорти («Случайность, ирония, солидарность», 1989). Первый видел в работе Пруста продукт артистического труда и «элемент нашей жизни, элемент воспроизводства нами себя как живых»¹⁷. Р. Рорти же утверждал, что XX в. выводит на первый план литературу в качестве инструмента само-созидания и раскрытия всеобщей отзывчивости. Пруст – герой либерального общества, ведь он принимает себя таким, какой есть, с той моралью, которую имеет, с тем языком, на котором говорит. Роман «В поисках утраченного времени» – переописанный личный опыт автора, который, резонируя с опытом читателя, открывает последнему пути для его собственного самосозидания. Именно в этом Рорти видел общественную полезность творения Марселя Пруста. Как читательницу, Арендт привлекают в романе именно те сюжеты, в которых опыт романиста согласуется с ее собственным. Речь об их положении евреев в светском салоне/обществе.

По логике философа, салонное общество правило Францией на рубеже веков, диктовало взгляды и образцы мысли, которые определяли политическую и правовую повестку в государстве. Другими словами, общественное поглотило политическое, а либеральное – правовое. Общество формировало требования в пику политическим возможностям индивидов. М. Пруст помог увидеть Арендт процесс примерки на себя евреями очередного амплуа, уготованного им обществом. На смену преступности, с которой ранее отождествлялось еврейство в сознании европейцев, пришла порочность как их неотъемлемая характерная особенность. Еврейство – теперь психологическое свойство, т.е. неуправляемое и нерегулируемое. Этот момент весьма значим для всей концепции тоталитаризма Арендт, т.к. переход от преступности к пороку сделал возможным последующие процессы апатризма и геноцида по всей Европе.

Салонное общество или «свет», описанный М. Прустом, задавал роли и объявлял выходы тех или иных кланов на публичную сцену. Это театральное представление было главным развлечением *le monde*. Евреи занимали отведенное им в пьесе место и гордились своей необычностью/

¹⁵ Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995. С. 309.

¹⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 124.

¹⁷ Мамардашвили М. Лекции о Прусте. С. 47.

порочностью¹⁸ (еврейством), их «пропуском» в свет. Арндт с сожалением отмечает, что не то, «что они сделали, а то, чем они были» обосновывало их пребывание в этом мире¹⁹. В этом отношении интересен анализ «света» у Пруста, произведенный М. Мамардашвили в его лекциях. В них отмечается, что французское слово *le monde* имеет несколько значений: «мир», «свет», «светское общество». И весь этот спектр присутствует в романе. Советский философ видит в прустовском тексте (как и в дантовской комедии) мотив самопреодоления и самосозидания посредством выхода к свету (*le monde*) из собственной экзистенциальной тьмы. Но для начала необходимо увидеть вещи «первым светом», т.е. в беспрецедентном фокусе. Дело усложняется тем, что в обществе (*le monde*) всегда присутствуют препятствия для этого действия – привычка, вторая природа, мешающая рассмотреть первую. Она диктует, что полагается чувствовать и как полагается поступать, как общаться. Эти модели поведения обнаруживают себя наиболее полно в образе прустовского салона. Реальный повседневный мир для романиста есть мир сокрытия реальности, большей, чем та, в которой мы существуем инертно. Светское общество живет по законам привычки и обмана – этот «готовый мир» удобен для тех, кто из страха променял действие на надежду. Таким образом, Мамардашвили выделяет у Пруста два источника света – *приватный* (истинный) и ослепляющий, скрывающий от нас истину, свет *общественный*. Нечто подобное в свое время провозгласил М. Хайдеггер²⁰. Огромная работа по самосозиданию или второму рождению, проделанная Прустом в романе, предваряет его опыт социальной жизни. Того, что составляло нерв работы Арндт.

Французские салоны, описанные романистом, – «образцовые объекты для исследования роли евреев в нееврейском обществе»²¹. Негативная погруженность в общество М. Пруста закончилась тем, что эта среда извергла его из себя. Салон сделал возможным уход автора в безмолвное и необщительное одиночество, в котором он и исчез на время работы над романом. Писатель символизирует для Х. Арндт нового индивида, воля которого направлена против социального насилия. «Когда Пруст почувствовал потребность в *arologia pro vita sua* и подверг пересмотру свою собственную жизнь, проведенную в аристократических кругах, то осуществил при этом анализ общества как такового»,²² – читаем мы в «Между пороком и преступлением».

Но если у Арндт Пруст был вынужден покинуть общество насильно, то, например, Р. Рорти настаивает на том, что писатели/философы самостоятельно принимали решение о подобной экстрадиции, так как для публичного пространства в лучшем случае они бесполезны, а в худшем (особенно Хайдеггер) – опасны. Он видит бессмысленным объединение сферы саморазвития (приватное) и чувства общности (публичное). Злободневные вопросы, поднятые Прустом в романе, Рорти расценивал лишь как один из художественных приемов, целью которого было создание «локального

¹⁸ Арндт была убеждена, что общеевропейский предрассудок, утверждавший априорную преступность евреев, стал результатом первичного искажения рук самих евреев, считавших то же самое врожденной добродетелью.

¹⁹ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. С. 140.

²⁰ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 167–170.

²¹ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. С. 134.

²² Там же. С. 87.

колорита»²³. Но именно эта совокупность особенностей имела значение для политических исследований Арендт. Заявление ее подруги М. Маккарти, что «Западная литература – это зеркало на потолке публичного дома»²⁴, характеризует во многом обращение Арендт с литературными произведениями. Более того, ее выбор падал всегда лишь на интенционально близких ей писателей. Так, рассуждения Пруста о том, что «поэтически увидеть значит увидеть так, как есть на самом деле. Или увидеть философски. Здесь термины «философия» и «поэзия» совпадают»²⁵, вероятно, импонировали Арендт.

То, что отталкивало от Пруста издателей вроде Андре Жида («Для меня Вы всегда были... снобом, светским любителем, как нельзя более неприемлемым для нашего журнала»²⁶), привлекло Ханну Арендт²⁷. Знания и умения этого члена богатой светской семьи, вся жизнь которого прошла в пределах своего класса, были для нее неоценимы. Несмотря на терапевтический характер романа «В поисках утраченного времени», каким он видится многим, его автор был непосредственным свидетелем Первой мировой войны и дела Дрейфуса. Этот опыт, конечно, во многом определял размышления романиста, согласно которым никакая внешняя сила не может решить специфические проблемы, стоящие перед обществом в настоящем, без активного вмешательства самих современников.

От романа-документа к роману-рассказыванию

Художественная литература, философия и политическая теория сформировали тот «узел», который мы называем интеллектуальным наследием Х. Арендт²⁸. Одной из ярчайших книг последнего десятилетия в области арендтоведения стала «Le musée imaginaire d'Hannah Arendt» (2011) Бернис Леве²⁹. Основной тезис автора состоит в том, что тесное и частое взаимодействие Арендт с литературными и художественными источниками оказало непосредственное влияние на возникновение ключевых концептов ее философии (натальность, политика, театр и др.) и логику ее мысли в целом. В этой новаторской работе открывается большое поле для исследования, заполнить которое одной книге было не под силу. Например, Леве лишь поверхностно затрагивает фигуру Марселя Пруста, одну из центральных среди эстетических предпочтений философа. Его повествовательный подход к реальности принципиально неотделим от опыта двадцатого века, а значит, был необычайно ценен для Арендт.

²³ Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 135.

²⁴ Arendt H., McCarthy M. Between Friends. The Correspondence of Hannah Arendt and Mary McCarthy 1949–1975. N.Y., 1995. P. 87.

²⁵ Мамардашвили М. Лекции о Прусте. С. 191.

²⁶ Пруст М. У Германтов. СПб., 2017. С. 517.

²⁷ Критический взгляд на необоснованно привилегированное положение романа «В поисках утраченного времени» в арендтовской аргументации «Истоков тоталитаризма» представлен в статье Жюльет Осин и Франсуа Россе см.: Hassine J., Rosset F. The Dreyfus Affair in the Work of Marcel Proust: A Critique of Hannah Arendt and Julia Kristeva // Shofar. 1996. Vol. 14. No. 3. P. 107–124.

²⁸ Начиная с работы о «Дуинских элегиях» Р.М. Рильке (1930 г.) и заканчивая «Жизнью ума» (1975 г.).

²⁹ Levet B. Le musée imaginaire d'Hannah Arendt. Paris, 2011.

Работа с литературными источниками питала ее философскую мысль на протяжении более чем сорока лет (1930–1970 гг.)³⁰. В этой связи эссе о Прусте представляет интерес в силу намеченного им пересмотра Арендт роли такого литературного жанра, как роман. Долгое время философ обращалась к таким писателям, как Ф. Кафка, М. Пруст, Р. Киплинг и др., поскольку считала их произведения источниками, способными пролить свет на причины и сущность катастроф, свидетельницей которых Арендт была сама. Главное, чего она сумела добиться с их помощью, – примириться с произошедшим. Как справедливо отметила С. Бенхабиб в своем эссе, Арендт сама была рассказчицей, «рассказчицей истории о тоталитаризме»³¹. Подобно Прусту, начавшему свою историю задолго до момента его рождения, Арендт отправной точкой для своего повествования делает XVIII в. Для обоих авторов рассказывание было своего рода терапией, направленной на самосозидание, самоспасение и новое рождение (натальность).

По мере вчитывания в текст Пруста взгляд Арендт перемещается с интересовавших ее изначально зарисовок буржуазного общества начала прошлого века на то, что есть форма и содержание «В поисках утраченного времени», – воспоминание. Эта исключительная особенность прустовского романа привлекала внимание на протяжении столетия филологов, психологов и философов. «Madeleine de Proust» («мадленка Пруста») – устойчивое выражение, которое французы употребляют, когда хотят сказать, что какая-либо вещь, аромат или вкус возвратили человека в определенный момент его жизни. Память³² как ментальный орган прошлого – необходимая предпосылка рассказывания. В своей последней работе Арендт напишет, что «человеческая память, хранящая в себе различные повествования, переживает и раскаяние, и разрушение»³³. Что ценно для философа, так это то, что М. Прусту в качестве одинокого судящего зрителя удалось зафиксировать в своем романе публичный смысл политического и социального антисемитизма. А так как извлекаемые из памяти истории в процессе рассказывания делаются публичными и формируют пространство совместного бытия, рассказчику удастся объединить свою ментальную способность (память) с политическим действием. Так, помимо своей основной функции (документа эпохи), текст Пруста становится специфической детерминантой и основанием мысли Х. Арендт относительно онтологической ценности рассказывания.

Окончание работы над «Истоками тоталитаризма» ознаменовало закрытие Арендт своего гештальта. Но, разобравшись с катастрофой, оставившей

³⁰ Нарративный подход к анализу текстов Х. Арендт впервые был применен Ю. Кристевой. В работе последней особый интерес представляет акцент на интересующих Арендт писательских «наррафемах» – нарративных единицах, в которых в метафорической форме находит выражение рассказ очевидца-современника о его эпохе (см.: *Kristeva J. Hannah Arendt: Life Is a Narrative. Canada, 2000*). Семью годами ранее французская исследовательница публикует не менее примечательную работу о М. Прусте и его чувстве времени. В ней Кристева, подобно Арендт, рисует образ романиста-мудреца, соизмеряющего в себе пронизательное знание социального мира, с которым он был vis-à-vis, с глубокой потребностью в обогащении внутренней жизни с помощью времени (см.: *Kristeva J. Proust and the sense of time. N.Y., 1993*).

³¹ *Benhabib S. Hannah Arendt and the Redemptive Power of Narrative // Social Research. 1990. Vol. 57. No. 1. P. 182.*

³² См. о «непроизвольной памяти» М. Пруста у В. Беньямина: *Benjamin W. Selected Writings. Vol. 2. Part 1: 1927–1930. Cambridge (Mass.), 2005. P. 237–248.*

³³ *Арендт Х. Жизнь ума. С. 425.*

след в ее судьбе, и придя в себя, она обнаружила перед собой очередную проблему, брешь – результат Второй мировой войны. Общий Мир утрачен, его целостность нарушена, а ранее скрепляющие его элементы вроде традиции, морали, ценностей – девальвированы. Арендт мучили вопросы: что может вернуть общую почву под ногами ее современникам? Как заново соткать ткань общечеловеческого бытия? Наступает пик научно-исследовательской активности философа, одна за другой выходят ее ставшие классическими книги «Vita activa, или о Деятельной жизни», «О революции», «Жизнь ума» и др. Все они содержат ее рассуждения о художественной литературе, но уже не как документе, выполняющем функцию объяснения-примирения, а как о рассказывании истории, возможности заново создать необходимые для совместного существования людей онтологические корни.

Первой книгой этого нового периода стала «Vita activa, или о деятельной жизни» (1958 г.). Главу «Поступок», посвященную венцу арендтовской иерархии деятельной жизни (труд – созидание – поступок), открывает, как часто бывает у Арендт, тщательно подобранный и смыслонасыщенный эпиграф: «Любое горе переносимо, если включить его в историю или рассказать историю о нем»³⁴. Эти строки принадлежат Исаак Динесен (псевдоним новеллистки Карен Бликсен). Выбор цитаты для главы, в которой только-только утверждается главенство поступка и слова, отражает направленность мысли Арендт, дух ее интеллектуального поиска. Спустя десятилетие (1968 г.) она напишет рецензию на книгу об Исаак Динесен, в которой найдет выражение собственный взгляд мыслительницы на творчество датской писательницы, прежде всего, на ее умение рассказывать истории. Из рецензии становится ясно, что рассуждения новеллистки о рассказывании историй как смирении и примирении с жизнью, об историях и их связях с миром и пр. – это то, на что направлена интенция самой Арендт. Именно от писательницы она восприняла истину, что хранить верность истории – значит хранить верность самой жизни. Более обстоятельно «философию рассказывания»³⁵ датской писательницы Арендт станет развивать в своих поздних работах, пока же мы видим красноречивый эпиграф.

Возвращаясь к работе «Vita activa, или о деятельной жизни», стоит отметить, что постулирование в ней главенства поступка и слова в человеческой деятельности происходит через обращение Арендт к поэзии, преимущественно древнегреческой. Ее творцам она вменяет осознание «самостоятельной значимости и потенциального величия»³⁶ слова. В данной работе мыслитель формулирует ряд политических функций поэзии, которые имплицитно свидетельствуют о ее философских корнях. Первая функция – аристотелевский катарсис, «очищение или избавление от всех эмоций, которые мешают людям действовать»³⁷. Вторая – задача научить «принимать вещи такими, какими они есть»³⁸. Именно подобная «правдивость» запускает способность суждения. Следуя за И. Кантом, Арендт утверждает, что поэты обладают способностью воспринимать вещи «просто»: до того, как те станут рассматриваться в качестве объектов в познавательном смысле. Иными словами,

³⁴ Арендт Х. Vita Activa. С. 217.

³⁵ Арендт Х. Люди в темные времена. С. 124.

³⁶ Арендт Х. Vita Activa. С. 202.

³⁷ Там же. С. 207.

³⁸ Там же. С. 211.

поэты способны взаимодействовать с еще пока необъективированными явлениями. Данным умением, по Канту, должны обладать все люди, а не только поэты: «мы зрители и в то же время авторы нашего существования»³⁹. В этом пункте Арндт расходится с ним, так как различает действующее лицо и рассказчика, действующего и созерцающего: не сам актер изнутри опознает и рассказывает свою историю, а определенный сторонний рассказчик, в действии не участвовавший⁴⁰. Поэтому способностью суждения у Арндт наделяются только служители музыки. Последняя политическая функция поэта, выделенная Х. Арндт, – рассказывание историй⁴¹. Она подчеркивает равнозначность эллинских поэтов и историографов: и тем, и другим удалось запечатлеть в вечности своих смертных героев. С помощью образотворчества поэты воплощают наличествующие истории в повествовании, сохранившись в памяти, те делаются частью Мира.

Спустя пять лет, наблюдая за выступлениями в зале суда по делу А. Эйхмана (1963 г.), Ханна Арндт замечает, что есть люди, которые обладают качествами достойного рассказчика, не будучи поэтами. Для этого, полагает она, требуется чистая душа, незамутненное сознание и благородное сердце. Она противопоставляет поразившего ее своим повествованием узника лагеря Зинделя Гриншпане Аббе Ковнеру, «поэту и писателю»⁴², чье красноречие не подразумевало содержательности.

Писатели, поэты, а шире – рассказчики, обладают способностью видеть очами ума, превращать внешние ощущения «в объект своего внутреннего чувства, сжимать и конденсировать многообразие чувственно-данного»⁴³, иначе говоря, схватывать то «целое, что придает смысл частному»⁴⁴. Именно это умение привлекало ее в таких авторах, как Исак Динесен, Рэндалл Джаррелл, Вальдемар Гуриан, Франц Кафка, портреты которых составили сборники текстов «Люди в темные времена» (1973 г.) и «Скрытая традиция». В них Арндт ставит задачу «перед поэтом (в самом широком смысле слова) и перед историком (в самом конкретном смысле слова) запустить процесс рассказывания и вовлечь в этот процесс нас»⁴⁵.

Ее заявление, что роман – всецело современная форма искусства, скорее указание на его исключительную ценность для XX в., нежели трюизм в духе литературоведческих замечаний о зарождении или апогее жанра. Разорванную ткань межчеловеческих отношений (общий Мир) – следствие Второй мировой войны и сопутствующих ей событий – возможно восстановить путем рассказывания историй. Повествование, одетое в образные одежды (романы, мифы, сказки), в качестве антропологической потребности формирования нашей жизни становится неотделимо от опыта двадцатого века. Рассказывание историй де-приватизирует внутреннюю жизнь индивида, выводит ее в публичное пространство, где она может быть воспринята другими людьми, сделать их сопричастными этой истории. Не менее важно для Арндт, что писатели причастны тому, что «появляется и с течением

³⁹ Kant I. Opus postumum. Cambridge, 1993. P. 184.

⁴⁰ Арндт Х. Лекции по политической философии И. Канта. СПб., 2012. С. 121.

⁴¹ См.: Арндт Х. Vita Activa. С. 248.

⁴² Х. Арндт нарочито закавычила эти два наименования.

⁴³ Арндт Х. Лекции по политической философии И. Канта. С. 121.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Арндт Х. Люди в темные времена. С. 32.

времени уходит из видимости мира»⁴⁶, но благодаря им остается в его (мира) памяти. Рассказывание историй – это источник, «откуда сам человеческий мир черпает себе смысл, в свою очередь проясняющий и озаряющий смыслообразностью всю человеческую практику»⁴⁷. Только в этом важнейшем поле способны пока действовать лишь немногие, и в их авангарде – художники.

Изучение древнегреческого языка с ранних лет развило в Ханне Арендт поэтическую чуткость, которая ко времени обучения у М. Хайдеггера достигла определенных высот. В процессе расширения собственных дружеских и профессиональных контактов (В. Беньямин) она открыла для себя роман, работа с которым дала ей возможность расширить теоретико-методологические горизонты. Если вначале роман ассоциировался у Арендт с *конкурирующим с действительностью* чтивом (за счет моделирования предельно авантюрных и экзотических сюжетов, которые можно переживать, не покидая уютные рамки буржуазного комфорта), то к 1950-м гг. она уже рассмотрела в нем истоки социальных наук и психологии, в силу присущих роману описаний конфликтов между обществом и индивидом. Подобная трактовка жанра полезна Х. Арендт при постулировании оппозиции «общество–политика», рефреном звучащей в ее работах. В этом отношении писатели вроде Ф.М. Достоевского и М. Пруста – надежные «союзники» Арендт. В отличие от поэзии, чья двухтысячелетняя традиция была равно притягательна для Арендт, она работала лишь с романистами-современниками, что, в свою очередь, согласуется с ее методологическим императивом – заниматься осмыслением чего-либо исходя из собственного опыта. Ее переписка с Мэри Маккарти свидетельствует, что Х. Арендт различает роман-исследование и роман-историю. Например, комментируя рецензию подруги на «Архипелаг ГУЛАГ», Арендт замечает, что эта книга – скорее, анализ, нежели рассказ⁴⁸. Для нее же ценна сама история «как она есть». Интересующие ее события философ рассматривала с помощью «писательских глаз», а ее работа с художественными текстами (даже Ф. Кафки (sic!)) отличалась буквальностью понимания и деметафоризацией. Репортеры, историки и литераторы – таковы, по мысли Арендт, проводники исторической правды.

Поэзия, которая со времен античной Греции прочно связана с рассказыванием историй, роман, выступления в суде – все это составляющие концепта *storytelling*, который для Х. Арендт имеет онтологическую и познавательную ценность. Рассказывание историй – это залог жизни в Мире, поддерживаемом традицией; но их продукт (в данном случае роман «В поисках утраченного времени») – это также документ эпохи, который в руках мыслителя способен даровать понимание и примирение с действительностью.

* * *

XX в. апеллировал к литературе, к претворенному в ней опыту столетия, и первым «образцовым документом по делу века», к которому обратились философы, был роман «В поисках утраченного времени». Он открывает

⁴⁶ Арендт Х. Люди в темные времена. С. 131.

⁴⁷ Арендт Х. Vita Activa. С. 400.

⁴⁸ Arendt H., McCarthy M. Between Friends. P. 323.

XX в. и вводит новый язык, нового человека, новый мир. М. Пруст задумывал собственный роман как произведение, которым читатель мог бы воспользоваться для решения собственных проблем. «Не мыслить, а давать мыслить» – этот девиз М. Пруста сделал его творение открытым произведением. Отсюда и широкий спектр смыслов, которые его комментаторы сумели извлечь, как для исследования социальных предпосылок тоталитаризма (Х. Арендт), так и построения либеральной утопии (Р. Рорти).

Апелляция Х. Арендт к тексту «В поисках утраченного времени» в рамках ее работы по концептуализации тоталитаризма произошла вследствие ее близких контактов с В. Бенямином, переводчиком и комментатором Пруста, и потребности в «документе», давшем возможность разобраться в социальных предпосылках так называемого «окончательного решения еврейского вопроса». Ее теория рассказывания историй, как основания человеческого пребывания в мире, развивалась в диалоге с рядом писателей (Ф. Кафка, М. Пруст, Гомер), работы которых воплощали особый тип рассказывания историй. Роман «В поисках утраченного времени» вместе с поэмами Гомера и новеллами Исак Динесен послужил пищей для размышлений Арендт относительно данного предмета. «Истоки тоталитаризма» – это сумма рассказов самой Арендт и ее со-рассказчиков (Пруста, Киплинга, Золя и др.). В этой работе художественная литература одновременно раскрывается и как документ эпохи, и как пример онтологической силы повествования. Сам Марсель Пруст – это не только зарисовщик салонного общества, но и воплощение пограничного, «между пороком и преступлением», положения еврея в начале XX в. Трагедия, развернувшаяся в романе, – это прежде всего процесс познания. «Герой становится знающим, заново переживая содеянное им теперь уже в форме страдания, претерпевания содеянного, когда взаимосвязь поступков впервые превращается в событие, в значимую ценность»⁴⁹. Арендт говорит, что сюжеты становятся подлинными событиями, когда они заново пережиты, обращены вспять, *познающей памятью* или *memoire involante*, той памятью, которой Пруст обязан написанием своего романа.

Хайдеггер писал, что «свидетельствующее бытие причастности к существу в целом совершается в качестве истории (als Geschichte). Но чтобы история стала возможна, человеку дан язык»⁵⁰. Марсель Пруст, будучи центральной фигурой иронической культуры («высокой культуры») XX в., создал роман, ставший новым словарем для всего модерна. Пруст показал Арендт, что, рассказывая историю на новом языке, индивид способен найти причины своего индивидуального бытия. А всякое рассказывание истории (будь то роман «В поисках утраченного времени», мемуары или выступление в зале суда), в свою очередь, – это выход индивида за пределы приватного в общее пространство *памяти* как части *Мира*.

Список литературы

Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Пер. с англ. и нем. В.В. Бибихина. СПб.: Алетея, 2000. 437 с.

⁴⁹ Арендт Х. Жизнь ума. С. 270.

⁵⁰ Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Трагль. С. 11.

- Арендт Х. Жизнь ума / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой и др. М.: ЦентрКом, 1996. 671 с.
- Арендт Х. Лекции по политической философии И. Канта / Пер. с англ. А. Глухова. СПб.: Наука, 2012. 303 с.
- Арендт Х. Люди в темные времена / Пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 311 с.
- Арендт Х. Опыты понимания 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / Пер. с англ. Е. Бондал, А. Васильева, А. Григорьев. М: Ин-т им. Гайдара, 2018. 707 с.
- Аристотель. Никомахова этика / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 52–295.
- Аристотель. Поэтика / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспаров и М.М. Позднев. М.: Рипол-Классик, 2017. 224 с.
- Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. 332 с.
- Пруст М. У Германтов / Пер. с фр. Н. Любимого. СПб.: Пальмира, 2017. 670 с.
- Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
- Хайдеггер М. Ницше. Т. 1 / Пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2006. 604 с.
- Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гельдерлин. Рильке. Трагль / Пер. с нем. Н. Болдырева. М.: Водолей, 2017. 240 с.
- Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихин. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
- Arendt H. Rahel Varhagen. The life of Jewish woman. N.Y.: Harcourt, Brace and Jovanovich, 1974. 236 p.
- Arendt H. The Formidable Dr. Robinson: A Reply // *The New Yorker*. 1966. January 20. P 26–30.
- Arendt H. Walter Benjamin: 1892–1940 // *The New Yorker*. 1968. October 11. P. 65–98.
- Arendt H., McCarthy M. Between Friends. The Correspondence of Hannah Arendt and Mary McCarthy 1949–1975. N.Y.: Harcourt Brace, 1995. 412 p.
- Benhabib S. Hannah Arendt and the Redemptive Power of Narrative // *Social Research*. 1990. Vol. 57. No. 1. P. 167–196.
- Benjamin W. Selected Writings. Vol. 2. Part 1: 1927–1930. Cambridge (Mass.): The Belknap Press, 2005. 870 p.
- Benjamin W. The Illuminations. N.Y.: Schockenbooks, 1968. 278 p.
- Hassine J. The Dreyfus Affair in the Work of Marcel Proust: A Critique of Hannah Arendt and Julia Kristeva // *Shofar*. 1996. Vol. 14. No. 3. P. 107–124.
- Kant I. Opus postumum / Trans. by E. Förster and M. Rosen. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 303 p.
- Kristeva J. Hannah Arendt: Life Is a Narrative. Canada: University of Toronto Press, 2000. 100 p.
- Kristeva J. Proust and the sense of time / Trans. by S. Bann. N.Y.: Columbia University Press, 1993. 103 p.
- Levet B. Le musée imaginaire d’Hannah Arendt. Paris: Stock, 2011. 322 p.

Hannah Arendt and Marcel Proust: from the novel-document to storytelling*

Anna O. Kucherova

Belgorod State National Research University. 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: kucherovaa94@gmail.com

The paper focuses on Hannah Arendt’s essay “Between vice and crime”, in which Arendt explores the process of stigmatization of Jews in salons at the turn of the XXth century.

* The article uses the data obtained during the author’s participation in the Program of internship for staff and doctoral students of Russian universities and scientific organizations at the School of Philosophy, HSE University.

For this purpose, Arendt uses the novel “In search of lost time” by Marcel Proust as a document of the era. This essay elucidates the methodological impact of the novel in resolving the socio-political problems it describes. The author shows that the *magnum opus* of the famous French writer had a significant, foundational influence on H. Arendt’s thought. In particular, the article reconstructs her dialogue with M. Proust, the result of which was Arendt’s expansion of the potential of fiction. Since then, the novel has not been limited to its instrumental character. It acquires the ontological significance of storytelling. The paper shows the logic of Hannah Arendt’s disclosure of the novel’s capabilities through her interpretation of “In Search of Lost Time”. The author also identifies the factors that influenced this logic. The proposed perspective on fiction as the source of H. Arendt’s thought allows the author to reveal the origins of Arendt’s innovative philosophical ideas (storytelling, in particular) characterized by a literary component.

Keywords: novel, antisemitism, society, storytelling, Hannah Arendt, Marcel Proust, Walter Benjamin

For citation: Kucherova, A.O. “Khanna Arendt i Marsel’ Prust: ot romana-dokumenta k rasskazyvaniyu istorii” [Hannah Arendt and Marcel Proust: from the novel-document to storytelling], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 1, pp. 36–51. (In Russian)

References

- Arendt, H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], trans. by I.V. Borisova et al. Moscow: TsentrKom Publ., 1996. 671 pp. (In Russian)
- Arendt, H. *Lyudi v temnye vremena* [Men in Dark Times], trans. by G. Dashevskii. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2003. 311 pp. (In Russian)
- Arendt, H. *Opyty ponimaniya 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm* [Essays in understanding 1930–1954. Formation, Exile, and Totalitarianism], trans. by E. Bondal, A. Vasileva and A. Grigorev. Moscow: Institut im. Gaidara Publ., 2018. 707 pp. (In Russian)
- Arendt, H. *Rahel Varnhagen. The life of Jewish woman*. New York: Harcourt, Brace and Jovanovich, 1974. 236 pp.
- Arendt, H. “The Formidable Dr. Robinson: A Reply”, *The New Yorker*, 1966, January 20, pp. 26–30.
- Arendt, H. *Vita Activa, ili O deyatel’noi zhizni* [The human Condition], trans by V.V. Bibikhin. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2000. 437 pp. (In Russian)
- Arendt, H. *Zhizn’ uma* [The Life of Mind], trans. by A.V. Govorunov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. 517 pp. (In Russian)
- Arendt, H. *Leksii po politicheskoi filosofii I. Kanta* [Lectures on Kant’s political philosophy], trans. by A. Glukhov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2012. 303 pp. (In Russian)
- Arendt, H. “Walter Benjamin: 1892–1940”, *The New Yorker*, 1968, October 11, pp. 65–98.
- Arendt, H. & McCarthy, M. *Between Friends. The Correspondence of Hannah Arendt and Mary McCarthy 1949–1975*. New York: Harcourt Brace, 1995. 412 pp.
- Aristotle. *Nikomahova etika* [Nicomachean Ethics], trans by N.V. Braginskaya, in: Aristotle, *Sochineniya* [Selected Works], Vol. 4. Moscow: Mysl’ Publ., 1983, pp. 52–295. (In Russian)
- Aristotle. *Poetika* [Poetics], trans. by M.L. Gasparov and M.M. Pozdnev. Moscow: Ripol-Klassik Publ., 2017. 224 pp. (In Russian)
- Benhabib, S. “Hannah Arendt and the Redemptive Power of Narrative”, *Social Research*, 1990, Vol. 57, No. 1, pp. 167–196.
- Benjamin, W. *Selected Writings*, Vol. 2, Part 2: 1927–1930. Cambridge, Mass.: The Belknap Press, 2005. 870 pp.
- Benjamin, W. *The Illuminations*. New York: Schockenbooks, 1968. 278 pp.
- Hassine, J. “The Dreyfus Affair in the Work of Marcel Proust: A Critique of Hannah Arendt and Julia Kristeva”, *Shofar*, 1996, Vol. 14, No. 3, pp. 107–124.
- Heidegger, M. *Bytie i vremya* [Being and Time], trans. by V.V. Bibihin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997. 451 pp. (In Russian)

- Heidegger, M. *Nietzsche*, Vol. 1, trans. by A.P. Shurbeleva. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2006. 604 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. *O poetakh i poezii: Gel'derlin. Ril'ke. Trakl'* [About poets and poetry: Hölderlin. Rilke. Trakl], trans. by N. Boldyreva. Moscow: Vodolei Publ., 2017. 240 pp. (In Russian)
- Kant, I. *Opus postumum*, trans. by E. Förster and M. Rosen. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 303 pp.
- Kristeva, J. *Hannah Arendt: Life Is a Narrative*. Canada: University of Toronto Press, 2000. 100 pp.
- Kristeva, J. *Proust and the sense of time*, trans. by S. Bann. New York: Columbia University Press, 1993. 103 pp.
- Levet, B. *Le musée imaginaire d'Hannah Arendt*. Paris: Stock, 2011. 322 pp.
- Mamardashvili, M. *Lektsii o Pruste (psikhologicheskaya topologiya puti)* [Lectures about Proust (psychological topology of the path)]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1995. 332 pp. (In Russian)
- Proust, M. *U Germantov* [The Guermantes Way], trans. by N. Lyubimov. St. Petersburg: Pal'mira Publ., 2017. 670 pp. (In Russian)
- Rorty, R. *Sluchainost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, Irony and Solidarity], trans. by I. Khestanova and R. Khestanov. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1996. 282 pp. (In Russian)